

Более шестидесяти лет назад студент Ленинградского педагогического института Гриша Ходжер совершил антиобщественный поступок. Украл с институтской Доски Почета фотографию смеющейся девчонки — комсомолки, спортсменки, отличницы. Общественность возмутилась, но меры принять не успела. Седьмого июня 1951 года Григорий и девушка с фотографии Тася сыграли свадьбу.

Скажите, личное дело семьи — золотые свадьбы, годовщины, праздники? Но, по моему глубокому убеждению, писатель Ходжер состоялся именно тогда. Что бы ни думал и ни писал о себе позже сам Григорий Гибивич.

С поэтами и художниками нередко бывает так: живет себе, работает — без особой славы, без денег, без признания, а как умрет — соседи в потрясении узнают, что рядом с ними Мастер проживал, классик, родоначальник и т. д.

У Григория Ходжера все иначе. Ему еще тридцати не исполнилось, мальчишкой в искусстве был, но понимающие люди, а с ними и вся читающая публика СССР, прогнозировали: вот он, рядом с нами классик, будущий патриарх нанайской литературы! Тогда, в 1957 году, на литературном конкурсе VI Всемирного фестиваля молодежи рассказу Ходжера «Мой знакомый пчеловод» была присуждена Золотая медаль.

В 1964 году у нас в Хабаровске вышел его первый роман «Конец большого дома», а читатели поняли, что не ошиблись в прогнозах. И его имя появляется во всех энциклопедиях и энциклопедических справочниках СССР.

Факты без эмоций: *На сегодня в активе писателя Ходжера тридцать книг (не считая переизданий и отдельных повестей, вышедших в сборниках), а общий тираж приближается к пяти миллионам экземпляров! Его романы и сборники повестей и рассказов изданы на многих языках СССР, а также на английском, немецком, французском, японском, бенгали и так дале!*

Специально для тех, кто любит масштабные сравнения (обматывать, допустим, планету по экватору высушенным ситцем или проволокой): стопка из книг Григория Ходжера, уложенных одна на одну, в высоту достигла бы ста пятидесяти километров. И рядом — такая же гора из переизданий!

Большая личность всегда притягивает помимо славы еще и завистников, недоброжелателей, слухи и пересуды.

Говорили о нем, ах, везунчик, с золотой ложкой во рту родился! Говорили лет сорок назад: да он пьет, ваш Ходжер, ничего уже не напишет! Говорили: да, конечно, вот был бы я нанаец, я бы давно уже полное собрание сочинений выпустил! Говорили, говорили... Имя писателя в течение полувека обрастало домыслами и мифами. Где теперь те говоруны?

* Сам — тотемный знак рода Ходжеров, символ древних мудрых правителей.

Славы он не искал, орденов не выпрашивал, пороги издательств не обивал. Но слава — деваха чуткая, скрытую силу и непоказное, неброское достоинство за тысячи верст чувствует. И приходит.

А сам Ходжер... Да, кстати, что он сам-то делал последние шестьдесят лет? А я вам расскажу! Это и будет лучшим ответом на всевозможные ябеды.

Подъем — с рассветом — в любую погоду, после любого застолья, охоты или рыбалки, невзирая ни на какие болячки! Зарядка на балконе. Холодный душ. Потом — за письменный стол. Каждодневная норма — пять страниц убористым почерком!

Вот так именно и рождаются счастливики с золотыми ложками, так появляются на свет собрания сочинений! Так настоящий мужик вершит дело своей жизни. А чем потом займется писатель, потом, после своих ежедневных пяти страниц, — не наша с вами забота!

Поверь, читатель, талантов и гениев на земле рождается в несколько раз больше, чем пробивается в свет! Ведь чтобы талант проявил себя и состоялся, общество и он сам должны соблюсти столько уж условий!

Самое важное при этом — даже не работоспособность, а прочные тылы! У прозаиков работа сродни затянувшейся войне! Если тылами не обеспечена — значит, проиграна! Кавалерийская атака хороша на раз, для небольшого рассказа.

Таисия Леонтьевна — человек мудрый и мужественный. Именно она делает погоду в доме, именно она — и тыл, и «главное плечо» писателя Ходжера. Первый экземпляр каждой своей книги он надписывает ей.

Вот что он написал на обложке «Повести о матери» накануне Восьмого марта 1989 года: «Милой моей женушке — одну из последних книг подписываю тебе. Живи и здравствуй, родная!»

Вы правильно уловили: да, есть какая-то печаль в этой надписи, но о печали чуть позже.

За многие годы моего знакомства с семьей Ходжеров я ни разу не слышал не то чтобы бранного — даже просто раздраженного или сухого, без ласки, слова Таисии Леонтьевны в адрес мужа. А ведь, что греха таить, все мы бываем разные — и трудные, и капризные, и неровные в жизни — и не только писатели... Это не она в тени большого мужа, — это большой ее муж — под ласковой и заботливой ее сенью.

Всегда до блеска надраенный быт, всегда добрые запахи домашней кухни, покоя, уюта, всегда добрая аура любви и прощения. А это, наверно, и есть счастье?

В феврале 1984 года мы с Григорием Гибивичем встретились на семинаре молодых писателей в Хабаровской писательской организации. Он — как один из руководителей семинара, маэстро, лауреат Государственной премии, автор цикла известных романов, настоящей энциклопедии нанайского народа, — и я, новичок, автор трех рассказов и маленькой повести. Но мы очень быстро подружились, особенно, когда выяснили, что представления о ладном отдыхе у нас очень схожи. Оба считали, что просидеть двум добрым казакам неспешный вечер за шахматами и парой бутылок вкусной водки — только на пользу!

Ходжер всегда играл на уровне очень крепкого первого разряда, при этом чувствовалась потенция на большее. Меня, помню, заинтересовало, почему же он не играет в городских или краевых соревнованиях, не пытается заработать звание кандидата в мастера.

Ответ я отыскал много позже, поработав редактором его книг, познакомившись с историей нанайского народа поближе.

В традиции великих мировых цивилизаций исход любого столкновения — двух людей, двух народов, двух мировоззрений — решается схваткой, итог которой — победа или поражение.

Культура же наших амурских народов воспитывает человека так, чтобы не допустить столкновения, избежать войны и конфликта!

Вот почему, приготовив мне в шахматной партии особо коварную ловушку, Гибивич обычно предупреждает:

— Бойся нанайцев, даже дары приносящих!

Ему нравится сам интеллектуальный процесс игры, но не нравится, что кто-то должен проигрывать.

Вот этот глубоко нанайский приоритет — в жизни не должно быть проигравших — Ходжер положил в основу своего творчества, своей энциклопедии.

Помню, меня потряс один эпизод в его романе о временах репрессий. Вокруг главного героя по имени Юлту сгустились сумерки, он чувствует: завтра-послезавтра его придут брать! Он знает, что нанай в неволе не живут. Он не может покончить с собой, это расценят как признание в предательстве, и тогда погибнет вся родня. Найдите выход из подобной западни! Я за свою жизнь перечитал несколько тысяч книг, но подобного сюжета не встречал в мировой литературе! Юлту идет на охоту, загоняет сохатого в ловушку и затем подставляет мудрую печальную свою башку под смертельный удар загнанного лося!

Никто не сомневается теперь, что смерть его — несчастный случай на охоте. А вся родня выведена из-под удара, свободна от подозрений и преследований.

Род Ходжеров — из сильных плодовых нанайских родов. Мама его была награждена орденом «Мать-героиня». При советской власти родные братья и сестры Григория Гибивича стали учеными, врачами, педагогами, строителями, партийными работниками, а сам он давно уже не только старший брат, но и глава рода, и опекун, и советчик, и заботник и для братьев-сестер, и для племянников, и внучат.

Не уверен, что вся нанайская родня писателя прочла все его истории. Что ж, молодежь сегодня всюду бежит от печатного слова — к компьютеру, телевизору, к слову непечатному... Сам же он, как летописец, знает: книга, она не только к дню сегодняшнему обращена. Зато всему Амуру введомая главная история Гэрисэ Ходжера — история его жизни.

Когда его мама была беременна первенцем — Гришей, она вместе со своим отцом и с помощью собачьей упряжки вытянула из Амура огромную калугу — полдня вытягивали. Его дед тогда сказал: «Внук, которого ты носишь, будет удачливым человеком. Я всю жизнь ловлю калуг, но такой большой еще не встречал. А он, сидя в тебе, поймал. Удачливый будет добытчик».

Дед ничего не сказал о мужестве и упорстве, которые понадобятся внуку: для нанай спокойное негромкое упорство — само собой разумеется. И на склоне лет писателю понадобились, пожалуй, все родовые запасы стойкости!

***Факты без эмоций:** 1982 год — обширный инфаркт. Реанимация. 1985-й — инсульт. Реанимация. 1986-й — стволовой инсульт. Левосторонний паралич. Потеря речи. Реанимация. Инвалидность. 1991-й — обширный инфаркт. Реанимация.*

А теперь немного эмоций. Каждый из нас, наверное, знает людей, которым одного из подобных событий хватило бы, чтобы сломаться. Мне пришлось быть свидетелем не медицинских, а человеческих личных реанимаций Григория Гибивича. За эти двадцать лет я не слышал от него ни слова жалобы — на болячки, на врачей или хотя бы на погоду! Как только убирали капельницу, как только ему разрешили вставать с больничной койки, Ходжер немедленно начинал двигаться — даже парализованный! И — превозмогал все недуги. Снова писал, снова ехал на свой любимый Амур, ловил рыбу, выпивал. После того мощного инсульта никто не верил, что ему удастся вернуть речь! Почти год вместо слов раздавалось нечто мучительно невнятное и глухое. Я лично, наверно, замолчал бы навсегда только от отчаяния. Он же «тренировал себя» речью ежечасно, с женой, друзьями, коллегами, с незнакомыми. И — заговорил!

Правда, потом этот недуг будет наступать Ходжера при каждом обострении болезни, но он уже знает, как его побороть. Бессилие тела — движением, бессилие языка — словом.

В один из таких тяжелых дней его положили в больницу у окна. Был декабрь. И на тяжелый инсульт наложилось двустороннее воспаление легких. Стали колоть антибио-

тики — пошла мощная аллергия. Мы пришли навещать Ходжера, когда Гибивич был в реанимации под капельницей, а завотделением говорил Таисии Леонтьевне, что нужно быть готовым ко всему, что «наверное, со дня на день», что организм у ее мужа не вечный... Ответственный секретарь писательской организации, помню, стал названивать по инстанциям — обеспечивать достойные похороны и «хорошее место на кладбище». А я через несколько дней еще раз пришел навесить друга — шел с тяжелым сердцем. В палате его не было, и тумбочка у кровати была пуста, без лекарств, без газет и книг.

— Где Ходжер? — убито спросил я мужичка с соседней койки.

— А нету, — лениво сказал мужичок. — Он на первый этаж пошел в шахматы играть...

Тотемный знак рода Ходжеров — Сом, символ древних мудрых правителей.

Как часто человеку низкому социальные потрясения любви и сладки лишь тем, что правители летят вниз, и патриархи — в грязь...

Но вот Григорий Гибивич ничем не порадовал — ничего не смешалось в семье Большого Сомы в мутные времена мутных перемен.

По-прежнему хлебосолен и уютен дом Ходжеров.

Заботлива и ласкова его жена.

Невозмутимо работает каждое утро хозяин за письменным столом, и с каждым утром все выше стопа исписанных страниц.

— И все же, Гибивич, что-то изменилось в твоей жизни?

Улыбается, качает головой. Достает из-за книг бутылку «Русской». Я в некотором трансе: знаю, что он совсем недавно вышел из больницы.

— Нет, — говорю, — не буду. А то влипну в историю, станут на меня пальцем показывать: этот негодяй погубил классика Ходжера!

В моих словах ни капли иронии. Я знаю, пройдет еще сколько-то лет, восстановится нормальное течение нашей жизни. Вернутся пахари к полю, мужчины к женщинам, дети — за парты, и все вместе — к знанию, к книге. И тогда выяснится, что отдельной «Истории нанайского народа» так и не написано. Но есть энциклопедия нанайской жизни в романах Григория Ходжера. И в этой энциклопедии представлены пофамильно все роды нанай, и поименно — все сколь-нибудь заметные нанай: охотники и рыбаки, матери и дети, воины, разведчики, танкисты, телеграфисты, снайперы, депутаты, ученые, поэты, певцы, мастера и мастерицы. Честно говоря, не знаю подобного труда во славу своего народа в обозримой нашей истории на необозримых наших пространствах.

— И что, Гибивич, несмотря на горы неизданного — каждый день свои пять страниц делаешь?

Спокойно улыбается, пожимает плечами, мол, каждый должен делать то, что должен.

А я потом еще долго брожу по городу, думаю: если называть одну из хороших улиц хорошим именем Ходжера — при жизни надо успеть. Что мы все с добром запаздываем?

Эту статью я напечатал в хабаровской газете, когда еще и Таисия и Гриша были живы. Вскоре оба ушли — вначале его Хранительница, потом и он сам. Я провожал их в последние дороги с легкой печалью, без боли: они вдвоем прожили одну замечательную жизнь.*

